

И. Ш. Шифман

СЕВЕРОМЕСОПОТАМСКИЙ ГОРОД ХАТРА

(К истории переднеазиатского эллинизма)

Памятники материальной культуры и многочисленные (344 арамейские, в том числе посвященные, поминальные, подписи к статуям, три латинские, одна арамейско-греческая билингва) надписи, обнаруженные при раскопках северомесопотамского города Хатра, привлекли к нему внимание исследователей¹. Однако до настоящего времени изучение истории и истории культуры этого города концентрировалось преимущественно вокруг анализа памятников материальной культуры, изучения хатранского пантеона и решения отдельных проблем, возникавших по ходу комментирования надписей. Монографического очерка, посвященного Хатре как цельному историческому и историко-культурному комплексу, до настоящего времени нет. В этой связи значительное место как в изучении Хатры, так и в современной арамейстике должно принадлежать опубликованному в 1981 г. сборнику хатранских надписей, составленному Ф. Ваттиони². Несмотря на чрезмерную лапидарность комментариев к надписям, эта публикация облегчает доступ ко всему корпусу надписей из Хатры и их рассмотрение как целостного источника.

Город Хатра возник в I в. н. э. и был расположен в 58 км северо-западнее древнего Ашшура и в 110 км юго-западнее современного Мосула (в настоящее время ал-Хадр). Это место господствовало над караванной дорогой из Ктесифона в Насибин³. Обстоятельства возникновения города Хатры пока не выяснены. Кажется наиболее правдоподобным, что он

¹ *Maricq A.* Hatra de Sanatrouq.— Syria, 32, 1955, p. 273—278; *idem.* Classica et orientalia 2. Les dernières années de Hatra: l'alliance Romaine.— Syria, 34, 1957, p. 288—296; *Stein A.* The Ancient Trade Routs Fast Hatra and its Roman Posts.— JRAS, 1941, p. 299—316; *Aggoula B.* Hatra, l'Héliopolis du désert mesopotamien.— Archéologia, 102, 1977, p. 35—55; *Safar F., Mustafa M.* 'A. Al-Hadr, madinat as-Sams. Bagdad, 1974; *Safar F.* The Lords and Kings of Hatra.— Sumer, 29, 1973, p. 87—89; *Caquot A.* L'Arameen de Hatra.— GLECS, 9, 1960—1963, p. 87—89; *Homes-Fredericq D.* La vie à Hatra à la lumière de la sculpture.— Sumer, 16, 1960, p. 39—44; *Hoftijzer J.* Religio aramaica. Leiden, 1968; *Drijvers H. J. W.* Aramese inscripties uit Hatra.— Phoenix, 16, 1970, p. 336—380; *idem.* Monotheismus und Polytheismus in hatraischen Religion.— In: Studies in the History of Religion. 31, 1975, p. 240—249; *al-Salihi W.* Hatra. Aspects of Hatran Religion.— Sumer, 26, 1970, p. 187—193; *idem.* New light on the Identiti of the Triad of Hatra.— Sumer, 31, 1975, p. 75—80; *Homes-Fredericq D.* Hatra et ses sculptures parthes. Istanbul, 1963; *Ingholt H.* Parthian Sculptures from Hatra.— In: Memoirs of the Connecticut Academy of Arts and Science, 12, New Haven, 1954; *al-Duroubi H.* Ritual Scenes in the Fifth Temple at Hatra.— Sumer, 26, 1970, p. 113—142 (arab.); *Degen R.* A Note on the Law of Hatra.— AION, 37, 1977, p. 486—490; *Milik J. T.* Recherches d'epigraphie proche-orientale. I. P., 1972; *Segal J. B.* Aramaic Legal Texts from Hatra.— JJS, 33, 1982, № 1—2, p. 109—115.

² *Vattioni F.* Le iscrizioni di Hatra. Napoli, 1981 (далее в статье ссылки на номера надписей даются по этому изданию).

³ *Stein.* Op. cit., p. 299—316.

сложился естественным путем как политический и культурный центр окрестного населения. Об этом свидетельствует, по-видимому, его название htr^3 : араб. $\text{hāqirat}^{\text{un}}$ — «главный город, столица». Оно дает основание думать, что местные племена видели в нем город *par excellence*, *Urbs*, и соответственно его называли⁴. Описание Диона Кассия (*Cass. Dio*, 68, 31, 1) представляет Хатру небольшим, бедным, захолустным городом в глубине пустыни; его окружает страна, где нет ни воды, ни деревьев, ни растений. Правда, в другом месте этот же автор говорит (*Cass. Dio*, 75, 12, 2), что данная область была известна обилием своих богатств и особенно приношениями Солнцу. Возможно, однако, что здесь Дион Кассий передает слухи, распространявшиеся среди воинов Септимия Севера; $\delta\acute{\iota}\xi\alpha$ вовсе не обязательно соответствовала реальной действительности. О Хатре как о древнем городе в глубинах пустыни говорит и Аммиан Марцеллин (*Amm. Marc.*, 25, 8, 5).

Как бы то ни было, Хатра была хорошо укрепленной, традиционно спланированной кругообразной крепостью, окруженной двумя concentрическими стенами с бастиянами и башнями. Внешняя стена — земляной вал — имела 8 км в окружности; внутренняя, выложенная из массивных каменных блоков, — 6 км в окружности. Между этими стенами находился ров. Доступ в город открывало четверо ворот. В центре города находилась четырехугольная площадь (435×321 м), окруженная оградой из каменных блоков с двенадцатью воротами; из них главные — пропилеи — были расположены в восточной стене. По обе стороны от последних находились два небольших входа. Площадь была сакральным участком, который служил, по мнению Б. Аггулы, одновременно и местным рынком. С севера на юг внутри площади проходила стена, отделяющая большой восточный от меньшего по размерам западного двора. К стене со всех сторон были пристроены камеры, предназначавшиеся для трапез и иных церемоний (возможно, склады). В восточном дворе перед разделительной стеной находился небольшой эллинизованный храм; здесь на подиуме ($15,2 \times 10,5$ м) возвышалась квадратная целла, обрамленная двумя колоннадами — ионической на подиуме и ионической и коринфской на уровне почвы. В глубине целлы на подиуме находилась, по-видимому, культовая статуя. На плафоне портиков были изображены в технике мозаики апотропеические сцены. На одной из них — «дурной глаз» кругообразной формы. Обнаженный человек протыкает его гвоздем, забивая гвоздь молотком, который держит в правой руке; этот глаз терзают две птицы, змей и скорпион, а охотничий пес готовится его проглотить. Видимо, за этим изображением скрывается местный миф. С внешней стороны стены имеются девять ниш для статуй богов; среди обломков статуй есть фрагменты изображений Посейдона, Аполлона и других богов. Среди них представлена Ника — богиня победы — в шлеме. Западный двор расположен на уровне более низком, нежели восточный. Доступ туда открывался через двое ворот, перед которыми была каменная лестница. По обе стороны от каждых ворот находились небольшие калитки. Здесь были размещены главные храмы Хатры и среди них ансамбль грандиозных айванов и примыкающих к ним построек — великолепное сооружение из тесаных каменных блоков площадью 115×23 м. Здесь же обнаружено и административное здание, назначение которого неясно. Вне теменоса имелось множество небольших храмов⁵.

История города известна лишь отрывочно. В июне 117 г. Хатру атаковали войска Траяна, но безуспешно (ср. *Cass. Dio*, 68, 31; *Amm. Marc.*,

⁴ Ср. близкую точку зрения: *Oates D. Studies in the Ancient History of Northern Iraq*. L., 1968, p. 62. Если предлагаемая интерпретация обоснована, написание htr^3 следует рассматривать как попытку передать звучание арабского слова средствами арамейской графики.

⁵ См. *Aggoula. Hatra*, p. 36—43.

25, 8, 5) ⁶. В 193/4 г. царь Хатры Барсемиа был союзником Песценния Нигера в его борьбе за власть против Септимия Севера и прислал к нему хатранских лучников (Herodian., 3, 1, 3). Попытки Септимия Севера овладеть в 198 г. Хатрой также закончились неудачей (Herodian., 3, 9, 2—6; Amm. Marc., 25, 8, 5). Позже Хатра вошла в союз с Римом, и со времени Александра Севера (234 г.) там находился римский легион ⁷. Хатра должна была стать опорным пунктом римлян в их борьбе с Сасанидами. Однако, по-видимому, уже Ардашир, по свидетельству Кёльнского пергамена (P. Colon. Inv. nr. 4780), содержащего жизнеописание Мани, захватил и разрушил город. Текст свидетельствует о том, что это событие имело место в год коронации Шапура I⁸, т. е., вероятнее всего, в 240 г. (ср. также дату коронации Шапура I у an-Nadim, Fihrist, I, 328 и сообщение Cass. Dio, 80, 3, 2). Аммиан Марцеллин (Amm. Marc., 25, 8, 5), посетивший в 364 г. Хатру вместе с войсками Юлиана Отступника, говорит о Хатре как о городе, некогда покинутом жителями ⁹.

Арабская и иранская традиции, отразившиеся в труде Табари ¹⁰, сохранили память о Хатре (ḥaṭr) и о ее властителе Санатруке (sātirun), которого арабы прозывали Дайзан (dayzan). Предание считает его человеком из Ба-Джармы, согласно Ибн ал-Кальби — из племени Кода'а. По свидетельству Ибн Хишма, вокруг него группировались бесчисленные выходцы из кровнородственной группы Бану 'Абид бин Аджрам и других племен Кода'а. Это же предание сохранило сведения о поражении, которое хатранцы нанесли персам; однако после продолжительной осады (по одной версии — два, по другой — четыре года) Хатра была захвачена Шапуром. К этому присоединяется предание о дочери Дайзана, прекрасной Надире, которая предала отца из любви к Шапуру и дала ему возможность захватить город, убить Дайзана и уничтожить племена Кода'а и некоторые племена Бану Хальван. Затем Шапур расправился и с Надирой. Сказочность этого повествования очевидна; однако в рассказе Табари очевидны и смутные воспоминания об исторической реальности, о борьбе Хатры с Ираном и в особенности о тех племенах, которые группировались вокруг города.

Говоря о хатранском обществе, следует прежде всего отметить, что помимо топонима ḥṭr' в надписях неоднократно встречается слово 'rb. В подавляющем большинстве случаев оно фиксируется в царской титулатуре царей Вологеза и Санатрука: mlk' d'rb (№ 193—199, 203, 231, 290; восстановления в 194 и 290 сомнений не вызывают); наряду с этим в одном случае засвидетельствован вариант mlk' d'rbu' (287). Очевидно, оба термина одинаковы по значению: и тот, и другой применялись для обозначения общества, царем которого был Санатрук, так что 'rb оказывается наименованием коллектива, который составляют 'rbu'. Бросается в глаза одинаковость словоупотребления в хатранских надписях и в Библии, где, как известно, также встречается обозначение коллектива 'arab (Иер.,

⁶ Как полагает С. Фукаи (Fukai Sh. The Artifacts of Hatra and Parthian Art.— East and West, 11, 1960, № 2—3, p. 138), Хатра в то время принадлежала парфянской династии; по его мнению, она была построена как пограничная крепость во времена расцвета Парфянского царства. Согласно другой точке зрения (Homès-Fredericq. La vie à Hatra..., p. 39 со ссылкой на Ф. Сафара), Хатра была основана уже во времена ассирийского господства. А. Марик (Hatra de Sanatrouq, p. 283) видит в появлении Хатры результат ослабления парфян в I в. до н. э. (? — вопрос А. Марика), под властью которых она постепенно обрела независимость.

⁷ Ср. подробно: Maricq. Classica et orientalia 2, p. 288—296.

⁸ Der Kölner Mani-Codex (P. Colon. Inv. nr. 4780).— ZPE, B. 19, 1975, p. 1—85; Hinrichs A., Koenen L. Ein griechischer Mani-Codex (P. Colon. Inv. nr. 4780).— ZPE, 5, 1970, S. 120, 125—130. Текст гласит: [ὅτι δὲ τεσσαύρων καὶ εἰκοσι ἑτῶν ὑπῆρξα, [εν] τῶι ἑτῶι ὡι ὑπετάξεν 'Ατραν τὴν πόλιν Δαρια[ρ]δαξαρ ὁ βασιλεὺς, τῆς περσίδος, ἐν ὡι καὶ Σαπώρης ὁ βασιλεὺς ὁ υἱὸς αὐτοῦ διὰ δῆμα μέγιστον ἀνεδήσατο. Ср. Aggoula. Hatra, p. 51.

⁹ Очерк политической истории Хатры см.: Homès-Fredericq. Hatra et ses sculptures, p. 2—6; Safar, Mustafa, Al-Ḥaṭr, p. 26—38.

¹⁰ Noldeke Th. Geschichte der Perser und Araber zur Zeit der Sasaniden aus der arabischen Chronik des Tabari. Leyden, 1879, S. 33—37.

25, 24; Иезек, 27, 21; II Хр., 9, 14). Очевидно, в надписях из Хатры употребляется этноним в форме, традиционной для сиро-палестинского региона; несомненно, он относится к тем обществам или к той совокупности обществ, кого древняя ближневосточная и античная традиции именовали арабами (akk. *aribi*, греч. Ἄραβες, Ἀράβιοι). Обращает на себя внимание при этом отсутствие в царской титулатуре упоминания о Хатре. Между тем Геродиан (3, 9, 1) титулуется уже упоминавшегося выше Барсемию царем хатранцев (προφασιν ποιοῦμενος τὴν Βασιλείαν τοῦ Ἀρρηῶν βασιλέως πρὸς Νίγρον φίλιαν). В связи со сказанным важно также упоминание у Аммиана Марцеллина (23, 3, 8) «сарацинских царьков» (*Saracenoꝝ reguꝝ*) в Северной Месопотамии, свидетельствующее, по-видимому, о попытках (к которым римляне относились иронически) вождей тамошних арабских племен присвоить себе царский титул. При таких обстоятельствах умолчание о Хатре в эпиграфической титулатуре местных царей могло бы быть объяснено предположением, что титул *mlk' d'rb* подразумевал также и обладание Хатрой. Но тогда население Хатры должно было быть арабским.

В нашем распоряжении, однако, имеются надписи, где Хатра или ее граждане и арабы упоминаются параллельно. Так, в надписи 79 выражается пожелание, чтобы братья Йехав Бармарин и Илькур, сыновья Шемеш-бераха, поминались вечно в Хатре и среди арабов (*dkꝛyn l'lm bhtr' w'rbu'y*). В надписи 1br.I¹¹ (=336), датированной месяцем *канун* 463 г. хатранской эры (151 г. н. э.), упоминаются «хатранцы, старцы и отроки, и арабы все (*w'rbu khlwn*), и все, кто живет в Хатре (*kl dy 'mr bhtr'*)»; в 336 также: «кто поднимается и кто выходит из Хатры»; далее говорится о членах гражданского коллектива (*grb' hwꝛꝛꝛy'*) и чужеземцах (*gbr' hwꝛꝛꝛy'*). Таким образом, существовали ситуации, когда Хатра или ее граждане не включались в совокупность арабов и занимали явно самостоятельную позицию. Составители указанных выше надписей явно исходят из того, что Хатра и хатранцы не суть 'rbu'y. При всей недостаточности сведений, которыми мы располагаем, соблазнительным кажется предположение, что гражданский коллектив Хатры вел борьбу с царями за признание своего статуса самоуправляющегося политического организма. Однако граница между Хатрой и арабами не была непреодолимой, коль скоро один и тот же человек мог чествоваться и там, и тут.

О внутренней организации арабов, о которых идет речь в хатранских надписях, известно мало¹². В надписи 78, представляющей собой обломок поминального текста, речь идет о каком-то нам не известном «господине арабском» (*ml' 'rbu'*). Кажется правдоподобным, что титул *mr'* носили вожди племен или племенных объединений. В связи со сказанным обращает на себя внимание следующее. В ряде надписей (№ 82, 194, 196, 197, 199, 234), где упоминается царь Санатрук, сын Нацру, отец царя (Нацру), титулуется *mr'*. В надписи 194 сохранившаяся генеалогия выглядит так: «статуя Санатрука, царя [арабов], очистившего, сына [Нацру, господина, [сына На]шарйехав» (*sntrwꝛ mlk' dy ['rb] zky' br [n]šrw mꝛy' [br n] šryhb*); однако надпись 274 содержит генеалогию: «Нацру, господин, сы[н На]шарйеха[ва], господина» (*nšrw mꝛy' blꝛ n]švryh[bl] mꝛy'*). Наконец, в надписи 232 неоднократно упоминается Санатрук, носящий титул *mꝛy'*, в специфическом контексте: «стела Санатрука, господина» (*mkn' dsntrwꝛ mꝛy'*), — речь идет о стеле в форме алтаря, установленной напротив восточной стены квадратной целлы. Отсутствие родословия Санатрука из надписи 232 не позволяет уверенно говорить о его тождественности с Санатруком, сыном Нацру, или хотя бы о его принадлежности к той же кровнородственной группе, хотя и то, и другое кажется правдоподоб-

¹¹ *Segal. Aramaic Legal Texts...*, p. 109—111.

¹² О последовательности хатранских правителей и гипотезах по поводу их хронологии см. *Aggoula. Hatra*, p. 48—51; *Milik. Dédicaces...*, p. 364; *Vattioni. Op. cit.*, p. 9. Надежными критериями по данному вопросу мы не располагаем.

ным. Тем не менее приведенная выше генеалогия царя Санатрука, сына Нацру, и самого Нацру дает основание считать, что царь Санатрук, сын Нацру, был потомком арабских племенных вождей и при неизвестных обстоятельствах обрел титул царя арабов. Очевидно, это событие следует рассматривать как этапное для данной арабской общности, возможно, — как разрешение какой-то кризисной ситуации¹³. Титул *mlk'* — «царь» ставил правителя арабов (и, следовательно, Хатры) в один ряд с такими властителями переднеазиатского мира, как цари Эдессы, Самосаты, Набатей, Армении; он, несомненно, должен был способствовать укреплению позиций Хатры в межгосударственных отношениях. Расправа, которую учинил над Хатрой Ардашир, может быть объяснена упорным стремлением хатранцев и их царей сохранить свою самостоятельность и позицию «равновеликого государства»¹⁴.

Другой титул, имеющий непосредственное отношение к арабам, встречается в надписи 223, сопровождавшей статую Апрахата, начальника дома арабов (*'prht rbyt' dy 'rb*). Примечательно, что в надписи 224 говорится о статуе Апрахата, «начальника до(м)а, сына Апрахата, начальника дома» (*'prht rby<t>' br 'prht rbyt'*). Так как в обоих случаях статуи воздвигает одно и то же лицо — Акива, начальник дома Бармарина (*'qb' rbyt' dbrmgn*), кажется правдоподобным, что Апрахат надписи 223 и Апрахат, сын Апрахата, надписи 224 — одно и то же лицо, а тогда можно было бы констатировать и тождественность терминов *rbyt'* и *rbyt' dy 'rb*. Что собой представляет «дом арабов», неясно; аналогия с «домами» богов, упоминаемыми в хатранских надписях, позволяет видеть в «доме арабов» их культовый центр, причем должность «начальника», т. е. распорядителя этого центра, в данном случае перешла от отца к сыну (наследование должности?). Адресатом культа в данном случае мог быть *gnd' d'rb* — бог-покровитель арабов, упомянутый в надписи 79.

Какие-либо надписи, в которых бы упоминались рабы, а тем более надписи от имени рабов в Хатре не обнаружены. Однако делать на этом основании вывод, будто Хатра не знала рабства, было бы преждевременным. Во всяком случае ономастика хатранских надписей содержит целый ряд теофорных имен с компонентом *'bd* — «раб»: *'bd' dn* (50), *'bd' lh'* (151, 218, 235, 272, 338), *'bd' ly* (25), *'bd' sr* (181), *'bdb' <l>šmyn* (275), *'bdgd'* (27), *'bdgdy* (22), *'bdlh'* (86, 178), *'bdy* (294), *'bdnsr* (165), *'bdnsr'* (167), *'bdsmv'* (15, 20, 26, 28, 35, 36, 56, 65, 75, 79, 80, 81, 104, 112, 126, 149, 195, 203, 223, 229, 277, 287, 295, 306, 318, 333), *'bd' gyl* (153), *'bd' gyly* (36, 37, 80, 141, 167, 254, 324), *'bdš'* (27), *'bdšbt'* (34), *'bdšlm'* (15, 16, 25, 150, 203), *'bdsm'* (51), *'bdšmyn* (314), *'bdšmš* (141, 145).

Как уже неоднократно отмечалось, употребление каждого из этих имен связано с представлением, что его носитель является адептом данного культа и поставлен под абсолютную власть бога, но также и под его особое покровительство. Однако возникновение и распространение в обществе таких имен невозможно без существования представлений о рабстве как специфической форме зависимости, когда раб является собственностью господина, находится в его власти и в то же время под его защитой, по-

¹³ Предполагается (*Maricq. Natra de Sanatrouq*, p. 284—285), что с легендарным царем Хатры — Санатруком сирийской и Сатируном арабской традиции — идентичен Санатрук II. Но столь же вероятно, что это был и Санатрук I.

¹⁴ Надпись 193, которая сопровождает статую Вологеза, царя арабов (*wlgš mlk' dy'rb*), дала основание думать, что он, как и Санатрук I, получил свой титул от парфянского царя Вологеза III (148—192 гг. н. э.) (*Safar. The Lords and Kings...*, p. 93—94): единственным основанием для такого допущения является сходство имен, а оно может объясняться и другими причинами. Об участии хатранского царя Вологеза в антиримской войне парфянского Вологеза III (см. Ф. Сафар) сведений нет. Столь же ненадежно предположение (*ibid.*, p. 95), что Санатрук II принял титул «царя Аравии» и что этот титул имел более широкое значение, нежели «царь арабов». Формула *mlk' d'rbv'* (надпись 287), которую Ф. Сафар имеет в виду, переводится, как уже говорилось выше, гораздо более надежно «царь арабов» и равнозначна стандартному *mlk' d'rb*.

скольку никто другой над рабом не властен. Для первых веков нашей эры, учитывая ситуацию в обществах, окружавших Хатру, можно считать, что подобная ономастика отражала реальное существование в Хатре рабовладельческих отношений; впрочем, рабство продолжало существовать на Ближнем Востоке и значительно позже этого времени.

Говоря о свободном населении Хатры, отметим прежде всего, что, как уже было сказано выше, надпись Ibr. I (= 336) отчетливо выделяет среди населения Хатры граждан (gbr' hwgwy') и чужеземцев (gbr' hwbrwy'); те и другие подвергаются за одно и то же преступление различным видам наказания (первые — «божьей смертью», вторые — побоем камнями), что свидетельствует о неодинаковости их правового статуса. Народное собрание в Хатре функционировало и, в частности, принимало законы; в особых случаях созывались собрания с участием граждан, чужеземцев и арабов (см. ниже).

В нашем распоряжении имеются надписи, свидетельствующие о занятиях свободных хатранцев. Надпись 65 выполнена в честь торговцев (lqr tgru'), однако это упоминание — единственное. Свидетельствует ли этот факт о сравнительно слабой распространенности занятия торговлей населения Хатры, трудно сказать; любое заключение по этому поводу было бы, очевидно, поспешным. В то же время нельзя не заметить, что в данном случае торговцы предстают как некий коллектив (tgru' — множ. число), который к тому же изготавливает «знаки» (du smu' bdw); создается впечатление, что они составляли в Хатре своеобразную корпорацию.

Значительно больше в надписях из Хатры упоминается о ремесленниках. Так, в надписи 77 поминается и благословляется 'Ав<ди> Хайран — кузнец (quru'); в надписи 190 — также Бара-кузнец (qur') сы[н] [3n]¹⁵. В надписи 43 поминается Мархон, сын Ма'аны, «глава кузнецов» (rb qunt [']). В надписи 202 среди различных действующих лиц упомянут «Ду'афра» (= созданный из праха; имя, существенное для характеристики представлений хатранцев о происхождении человека. — И. Ш.), глава кузнецов (rb qunt'). Таким образом, в Хатре была корпорация кузнецов со своей организацией; аналогия с подобными корпорациями в Пальмире, Герасе, финикийских городах¹⁶ напрашивается сама собой. Дважды встречается термин ngr' — «плотник»: в надписи 295 поминается Рабби-плотник (ngr'), сын 'Абдисамайна, а в надписи 202 фигурирует «Тавйа, плотник Санатрука-царя (ngr' dsnrwq mlk')». Из этого следует, очевидно, что в Хатре существовали ремесленники (группы ремесленников?), занятые непосредственно в царском хозяйстве. Согласно надписи 35, датированной эулом 549 года селевкидской эры, т. е. 219 г. н. э., воздвигается статуя некоей Каймай (qumu), дочери 'АбдиСемейи, винодела (hmr'). В надписи 8 поминается Канзийу, свинцовщик ('br'). Неоднократно встречаются прачечники (ksr', 'ksr'): в надписи 13 (KA1 240 читает ngr' — «защитник») — 'Абса, сын 'АбдиНергола; в надписи 98 — Набуна, сын Адайа, в надписи 104 — 'АбдиСемейа, сын Бабайа. В надписи 212 назван БарНабу-седельщик ('snp'), сын 'Ашайи, и его коллеги (hbrh), т. е., вероятно, участники коллегии седельщиков. Относительно многочисленны упоминания о строителях ('rdkl' — слово, происходящее от акк. arad ekall и встречающееся уже в документах из Элефантины): БарНанай, сын ЙехавШайа (№ 1); Завиду и ЙехавШай, сыновья БарНанайа, строителя, сына ЙехавШайа, строителя (№ 106); Хавиша, сын 'Авиду, сына 'Анани (№ 16); 'Эбна и его коллеги (whbrhu, т. е., очевидно, члены коллегии строителей) (№ 207); Рап'анани, сын Адайа, строителя (№ 216, 217); Абба (№ 225); ЙехавШемеш (№ 305, 334); Аштат (№ 335). Термин glp' — «скульптор»

¹⁵ Ср. Milik. Dédicaces..., p. 160—161.

¹⁶ Шифман И. Ш. Сирийское общество эпохи Принципата. М., 1977, с. 90—93.

и соответствующий глагол происходят от греч. γλῶφω. Из надписи 1 известно, что скульпторами были упоминавшиеся выше сыновья БарНаанайа, сына ЙехавШайа. Кроме того, упоминаются Абба, сын 'Оге, сына Зарки (№ 5), Шаву (№ 34), БарНаанай (№ 258), БарНашра (289).

В надписи 49 зафиксирован платеж ремесленнику за выполненную им работу: «я, Вала, учинил расчет с 'Акваном, сыном 'Акава (h|sbyt 'l 'qbn br'qb hšbn'), касающийся дома Ба'а(л)шамена, по поводу цены орла (dmyn dnr), поднятого шестого *тевета*. И уплатил (šlm) [Ba]l[a в za]рю 5, омыл руки (rhš 'dun)». Омовение рук в данном случае — древний переднеазиатский обряд¹⁷, свидетельствующий о том, что плательщик Вала очищен от каких бы то ни было обязательств по данному делу.

В нашем распоряжении имеются также посвящения, говорящие об отнесенном благосостоянии посвященных. Значительную часть эпиграфического материала из Хатры составляют подписи к статуям царей или других персонажей, воздвигаемым частными лицами или группами лиц. Но есть и другие примеры. Так, строительная надпись 9 (КАИ 252) представляет следующий текст: 'gz' dy bn' mqumsms br wrwd [r]būt' — «'gz', который построил МокимШемеш, сын Ворода, [начальник дома]». Перевод слова 'gz', обозначающего объект постройки, вызвал разногласия. По мнению А. Како, оно происходит от слова 'gz и представляет собой перевод греческого μυστήριον, которое может обозначать не только священные таинства, но и сакральные сооружения, погребения и места, где собирались сакральные коллегии¹⁸; КАИ 252 учитывая эту возможность, предпочитает «(дверь) из кедрового дерева» со ссылкой на DISO, p. 24. Ф. Ваттиони переводит весьма неопределенно: «постройка (edificio)», но в надписи 214 — «храм (tempio)». Обе возможности, приведенные выше, кажутся вероятными, хотя первая представляется более правдоподобной. В любом случае существенно то, что подобное посвящение потребовало значительных денежных затрат. Согласно надписи 62 (КАИ 253), «в месяц *мархешван* года 476 (селевкидской эры, т. е. 164 г. н. э.— *И. Ш.*) построили стол для жертвоприношений (ptg') и плиту (mqm') 'АбдиМалик, сын ЙехиВы, и 'АкивШемеш, его сын, во здравие их и здравие сыновей их». Надпись 65: «В месяц *канун* года 498 (186 г. н. э.— *И. Ш.*). Изображение (n[y]s')¹⁹, которое воздвиг 'АбдиСемейа, сын ЙехиВа, в честь торговцев (lqr tgru'), которые знаки (smu') изготовили». Архитрав у входа в целлу храма № 9 содержит следующую надпись (67, соотв. КАИ 254): «На счастье доброе, во здравие Нашру, господина, верховного жреца бога ('pk[l]' rh' d'lh')». Надпись 68 содержит следующий текст: «Стол для жертвоприношений (ptwr'), который изготовил [3n] сын Хунайны во здравие свое и во здравие сыновей его, и...». Согласно надписи 214, «в год 409 (97 г. н. э.— *И. Ш.*) воздвигли мистерий (? 'gz') для Нергола сыны Тайму и сыны Бел'акаба во здравие их и здравие отцов их, на день их (m kyshwn)». Согласно надписи 288, «в месяц *нисан* года 380 (68 г. н. э.— *И. Ш.*) я, БарНабу, сын Нашри, сына Абы, [брат ГармАллата (l'hwly dy grm'lt), господина, воздвиг алтарь (prk') для Гадде». В надписи 294 речь шла о каком-то сооружении, которое «[в] месяце *тишри* года 423 (111 г. н. э.— *И. Ш.*) построил (bh') Барнайа, [сын Ша'ад[y], сына ['А]бдиНер[го]ла». Из надписи 338 мы узнаем: «в месяц *эц* ('s) года 444 (132 г. н. э.— *И. Ш.*). Стол для жертвоприношений (ptwr'), который изготовил ('bd) 'АбдиИлаха, сын Тапсары, сына Напру, для знаков Мератан во здравие НашарЙехаба и во здравие Напру, сына его, старейшины qšy's')».

¹⁷ Шифман И. Ш. Угаритское общество (XIV—XIII вв. до н. э.). М., 1982, с. 16, 363.

¹⁸ Milik. Dédicaces..., p. 167.

¹⁹ К переводу см. Milik. Dédicaces..., p. 407.

Особый интерес представляют надписи, в которых указаны денежные суммы, жертвуемые для нужд храмов. Надпись 47 содержит краткий, но выразительный текст: «40 ассов. Абса, сын Даббаха». Из надписи 191 видно, что жертвователю Кодам 'Иру дает для строительных работ в Эсагиле (lb'n' [sl] gyl) 1 мину и 5 ассов. Согласно надписи 192, Карса, сын Нишамша, вероятно, брат предыдущего, дал (yhb) для строительных работ в Эсагиле (lbnun' du [sgyl]) 8 ассов. Согласно надписи 225, архитектор ('r[dkl']) Абба дал (yhb) Эсагиле (lsgyl) 60 ассов. В надписи 240 фиксируется приношение Эсагиле от имени Гадде, сына Бар'аиа, сы[на] 'А]дрийи, в размере двух мин (mny'). В поврежденной надписи 241 упоминается, что неизвестный жертвователю дает 33 мины. В надписи 242 говорится: «дали (yhb) Ашлам и Кашту, сыновья Йехиву, сына Кодамахо [хи] из 'ацилийцев, 54 асса (?)». Вероятно, братья устроили складчину. Надпись 243 извещает: «[в месяц канун <года> 428 (116 г. н. э.— И. Ш.) пожертвовал ('uty) Ашлам, сын Йехиву, 'ацилиец (упоминается также в предыдущей надписи.— И. Ш.), мин 3 [и ас]сов 15». Из надписи 244 видно, что «пожертвовал ('uty) Йехиву, 'ацилиец (вероятно, отец двух предыдущих.— И. Ш.), мин 10 для работ в Эсагиле (l'bd' du sgyl)». Всего, таким образом, сам Йехиву и его сыновья пожертвовали храму 13 мин 69 ассов. Согласно надписи 245, «пожертвовал АвиГад, сын Кабиру, сы[на] АвиГада, ассов 8 от <продажи> одной телки (prt' hd'), которую он носвятил ('hgun) для работ в Эсагиле (l'bd' du sgyl)». Из надписи 246 видно, что Гаддел, сын Йеди'и, дал (yhb) Эсагиле 5 ассов. Наконец, надпись 292 свидетельствует, что некий Вунук пожертвовал (qr[y]b) тахту стоимостью в 10 дариков, утварь стоимостью в 10 дариков и два кубка стоимостью в 45 ассов.

Как можно видеть, материальный уровень пожертвований ничтожно мал, что свидетельствует, по всей вероятности, о чрезвычайно низком общем уровне жизни, характерном для Хатры, а также о чрезвычайно низких размерах того, что в Хатре считалось богатством. Для сравнения напомним, что в Гересе, Пальмире или Дура-Европос пожертвования на храмы или гражданские нужды исчислялись десятками тысяч драхм, и уровень, на котором начиналось богатство, был, несомненно, значительно выше, чем в Хатре. Однако абсолютное различие между низшими и высшими уровнями пожертвований и соответственно уровнями благосостояния было в Хатре очень велико.

Судя по тому, что активно действующими лицами в надписях из Хатры являются, как правило, мужчины, совершающие свои посвящения и пожертвования во здравие свое и своих сыновей, можно полагать, что основной ячейкой общества была семья, возглавлявшаяся домовладыкой-отцом; отсутствие упоминаний в посвячительных формулах о жене может значить только, что она, как правило, самостоятельной роли в семье не играла и составитель надписи не считал нужным включить ее в список тех, о чьем здоровье он заботится. Впрочем, имеются и факты иного порядка. Такова, в частности, надпись 5: «Статуя Семейи, дочери 'Оге, сына Аштати, сына Селевка, которую воздвиг ей 'Оге, ее муж, сын Аббы, жреца Атар'ате». Надпись 30: «Статуя Аббу, дочери Габалу, которую воздвиг ей Аша, сын Шампи'акава, ее муж, ибо она умерла в возрасте 18 лет. Проклятие Господа нашего, и Госпожи нашей, и Сына Господа нашего, и Ба'алшамена, и Атар'ате на том, кто убил ее и издевался над нею, и на женщинах, которые говорили и пятнили, и совершали возлияние на Аббу». Перед нами свидетельство семейной трагедии, памятник любви к женщине убитой, опозоренной сплетнями и, возможно, подвергавшейся божьему суду. В надписи № 31 некая Маратбу изготовляет статую (glpt mrtbw); в надписи № 34 она оказывается жрицей (kmrt[']) [А] ша[р]бел, и ее статую в месяце *адар* 546 года (216 г. н.э.) воздвигает ее сын Бара, сын 'Абдишавты, сына Бары, жреца, и его брат 'Абдилавуша. Специфическое положение этой женщины объясняется, очевидно, ее жре-

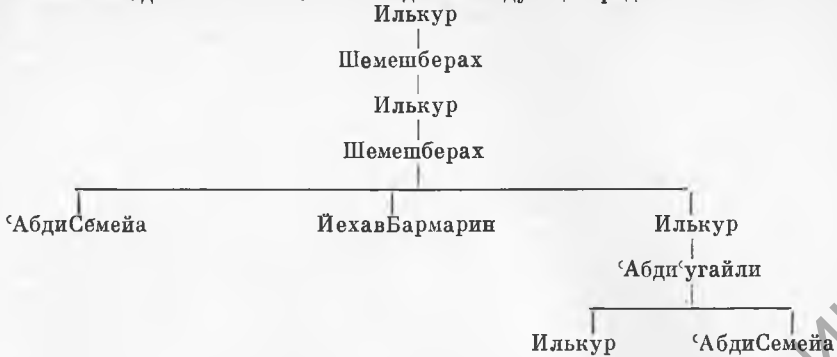
ческим статусом. Выше уже упоминалась надпись № 35, где речь идет о статуе Каймай, дочери 'АбдиСемейи, винодела, жены Нашар'акава. писца (spr') Сына Господа нашего, статуе, «о которой говорила ей Ашар-бел-дева (dy'mrt lh 'šrbl btlh)». За этим следует: «И она воздвигла для себя (lpršh) во здравие свое, и во здра[вие] Нашар'акава, мужа ее, и 'Абсы, брата ее, [и во здравие] дома (dyr') всего, изнутри и снаружи, Сына Господа нашего, и тех, кто облагодетельствован у них (rḥum lhwn) всех». Каймай, дочь 'АбдиСемейи, совершает здесь то, что в других случаях делает глава семьи; она явно занимает первенствующее положение как в своей семье, так и среди родственников по происхождению. Объяснить такую ситуацию можно, по-видимому, откровением, полученным ею от богини и, вероятно, не сводившимся только к приказанию воздвигнуть статую. Надпись № 36 сопровождает поставленную в месяце *тишири* 549 года (219 г. н. э.) статую Душафири, дочери царя Санатрука II Бат-Семей [и], матери наследника престола ('m' dy pzgrub'). Из текста видно, что царица Душафири не замужем и занимает в обществе самостоятельное положение; текст позволяет говорить о традиционном для Ближнего Востока почетном статусе матери наследника престола, в перспективе — царицы-матери. Статую воздвигает сын 'Абди'угайли, сына Сатанбела, клиент царицы (rḥmh). Надпись № 37 представляет собой подпись к статуе Сими, клиентки (grt) Душафири. Надпись № 63 кратка: «Гаддут, жена 'АбдиМилька». Как можно видеть, во всех перечисленных случаях перед нами скорее исключение из правила, объясняющееся либо особыми обстоятельствами, либо специфическим статусом данной женщины.

Имеются случаи, когда жертвователями и посвятителем являются братья. Так, в надписи № 242 денежное приношение храму совершают Аш-лам и Кашту, сыновья Йахиву, сына Кодомахо[xи]. В таких ситуациях возможна складчина, но возможно также, что это — неразделившиеся братья, совместно возглавляющие семью после смерти отца. Встречаются также и пожертвования «во здравие» не только сыновей, но и братьев жертвователя (например, № 192, 241). В надписи № 62, датированной месяцем *мархешван* 476 года (164 г. н.э.), сакральные объекты воздвигают 'АбдиМалик, сын Йехивы, и 'АкивШемеш, его сын (brh); видимо, последний вместе с отцом фактически возглавил семью. Впрочем, сын мог быть также выделен из семьи и получить гражданскую и имущественную самостоятельность.

Для характеристики внутрисемейных отношений существенно то, что перечисление предков лица, от чьего имени составлена надпись, обрывается, как правило, на отце или на деде; ср. № 240: Гадде, сын Ба'айа, сы[на] 'А]дрийи; № 291: Барба'алшамен, сын Шемеш'акава. Сказанное может означать, что за этими пределами в повседневной жизни связи между сородичами либо не ощущались, либо не были значимыми. Однако и в данном случае имели место исключения. Так, в надписи № 107 перечисляются пять поколений: [А]на[3], сын Ав[и]Гада, сы[на] Гаддаи, сына [А]виГада, сына Кавира; дополнение «из Сынов РапаШемеша» удостоверяет принадлежность данного лица к кровнородственной группе, жившей на территории Хатры, чем может объясняться и столь длинное родословие. Другая надпись (№ 10) содержит упоминание восьми поколений: Шемеш'акав, сын ИлахиШемеша, сына Аккиху, сына Шемешхадита, сына Апаху, сына Шемеш[ха] дита, сына Мешаббишшаву, сына Адалату. Надписи № 34 и 39 позволяют установить родословие жреческой семьи:

Надписи № 79—81 и 115 дают следующее родословие.

Такие случаи редки; они характерны, по-видимому, для местных аристократических родов.

В надписи № 288, поставленной в месяце *нисан* 380 года (68 г. н. э.) [Ba]pНаб[у, сын На]шри, сына Аббы, отмечает (если верны предложенные восстановления), что он является братом ГармАллата-великого ([ʔhwl]h y du grmʔlt rbʔ), очевидно, игравшего во второй половине I в. н. э. заметную роль в жизни Хатры.

Выше, говоря о надписи № 107, мы отметили, что в ней указана принадлежность лица, о котором идет речь, к кровнородственной группе Сынов РапаШемеша. Об аналогичных общественных организациях идет речь, по-видимому, и в надписи № 214, датированной 409 годом (97 г. н. э.), где культовый объект для Нергола воздвигают «Сыны Таймана (bny tūmn) и Сыны Бел‘акаба (bny blʔqb) во здравие их и во здравие отцов их (ʔbhthwn)». Перед нами объединение двух кровнородственных групп; существенно, что в Пальмире Сыны Бел‘акаба выступают в роли жреческого коллектива; возможно, что и в Хатре они занимали аналогичное положение. Как бы то ни было, ясно, что кровнородственные группы могли объединяться для совместных действий. Остается не ясным, было ли в данном случае объединение постоянным или же только для сакральной церемонии. Каждая такая группа вела свое происхождение от одного предка, реального или предполагаемого. Формула «и во здравие отцов их» показывает, что «отцы» занимали в этих кровнородственных группах особое место; параллельные материалы из Переднеазиатского Средиземноморья позволяют предполагать, что «отцы» образовывали совет хранителей традиции и наставников, носителей вековой мудрости, осуществлявших верховную власть в кровнородственной группе. Наиболее очевидной кажется параллельность этих групп с phd/z пальмирских надписей.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы свидетельствуют о том, что в Хатре, как и в других обществах древности, существовала клиентела. Среди надписей, относящихся к этому сюжету, отметим прежде всего уже упоминавшуюся № 37, где речь идет о статуе Сими, клиентки (grt) Душафири, дочери царя Санатрука. Однако термин grt (муж. р. gr), общий для всего северо-западносемитского и, видимо, арабского культурного круга, зафиксирован в хатранских надписях только один раз. Наряду с этим в эпиграфике Хатры засвидетельствованы термины, происходящие от корня rḥm — «любить, быть другом, благодетельствовать». Так, в надписи № 13 поминаются Гаддийехав, сын Нашри, сына ‘Оге, и ‘Авса, сын ‘АбдиНергола, прачечник и благодетель (rḥmʔ), т. е., по всей видимости, патрон Гаддийехава. В надписи № 36 ситуация иная: здесь статую Душафири, дочери царя Санатрука, воздвигает [сын] ‘Абди‘угайли, сына СатанБела, именуемый rḥmh; так как речь идет о царской дочери, представляется, что лицо, воздвигающее статую, — это получатель благодеяния, т. е. клиент, и соответственно rḥm здесь —

пассивное причастие породы пе'аль (rāhīm). В связи с изложенным обращает на себя внимание формула благопожелания, в которой наряду с родственниками и членами семьи упоминаются также лица, обозначающие сочетанием mn dy ḡum lh. Так, в надписи 20: «во здравие его, и братьев его, и тех, кто облагодетельствован у него, всех (dmn drḡum lh klh)»; перевод Ф. Ваттиони «di chiunque gli è saḡo» филологически возможен, однако при этом у него исчезает тот социальный смысл, который на Ближнем Востоке интересующего нас времени вкладывали в корень ḡm, смысл, очевидный по параллельным палмирским материалам. В надписи 25 поминается верховный жрец Нашарйехав, сын 'АбдиИли, сына 'АбдиШалемы: «он <и> тот, кто облагодетельствован у него (hw mn dy ḡum lh)». Подобным же способом в надписи 52 поминается Нашарйехав, сын Хавиры: «он и тот, кто облагодетельствован у него (hw wmn dy ḡum lh)». В надписи 116 поминается Газбари, сын Нашарйехава: «он и тот, кто облагодетельствован у него (wmn dy ḡum lh)». В надписи 337 поминается Милли, сын Мима: «он и тот, кто облагодетельствован у не[ḡo] (hw wmn dy ḡum l[h])». В надписи 35 интересующая нас формула показывает, что Каймай, дочь 'АбдиСемейи, воздвигает статую «ради себя, во здравие ее и во здравие] Нашар'акава, мужа ее, и 'Авсы, брата ее, [и во здравие] дома всего, изнутри и снаружи, Сына Господа нашего и тех, кто облагодетельствован у них, всех (wmn dy ḡum lhwn kwlh)». В надписи 80 воздвигается статуя 'Абди'угайлу, сына Илькура, «[во] здрави[е][сыновей] его, и братьев еḡ[o], и тех, кто облагодетельствов[ан] у него (mn dy ḡum[m] lh)». В надписи 107 постройки совершаются «во здравие его и во здравие тех, кто облагодетельствован у него, в[sex] (w'ḷ ḡu dy ḡum lh k[lh])». В надписи 272 сакральную постройку воздвигает Нацру, господин (mḡ'), «во здравие его, и во здравие сыновей его и братьев его, и во здравие тех, кто у господина облагодетельствован (mn dy ḷmḡ' ḡum)». Аналогичные формулы имелись, очевидно, в надписях 286 и 311. Употребление в постулируемых нами значениях производных от корня ḡm объясняется, несомненно, тем, что, по представлениям эпохи, оказание благодеяний делало облагодетельствованного клиентом благодетеля.

С клиентелой и патронатом связаны, по-видимому, и надписи, в которых упоминается «господин его». Так, в надписи 31 некто Маратбу изготавливает статую «во здравие его, и ради Раббаты, его господина ('ḷ rbt' mḡh), и ради тех, кто боится Его (бога, которому совершенно посвящение.— И. Ш.)». В надписи 243 Ашлам, сын Йехиву, совершает посвящение «во здравие свое и здравие Шемешбераха, сына Изалы, господина его (smsbrk br 'yzl mḡh)». В обоих случаях (особенно четко это видно в последнем) титул «господин его (mḡh)» обозначает, по всей видимости, патрона лица, ставящего надпись.

Впрочем, титул «господин» (mḡ', mḡu') употребляется и без указания того, чьим конкретно господином данное лицо является. Так, надпись 67 поставлена «на счастье доб[рое в]о здравие Нашру, господина (mḡ'), прорицате[л]я ('pk[l]) верховного богов». В надписи 140 говорится о статуе «[ḷ], господина (mḡ'), надзирателя за погребальными нишами (kru'), сына Вологеза, господина (mḡ')». В надписи 123 поминается Аштат, сын Ворода, господина (mḡ'). В надписи 189 в разрушенном контексте упоминается [ḷ]шавта, сын [Воро]да, господина (mḡ'). Вероятно, этот же Вород, господин (mḡ'), назван и в надписях 233, 266, 267. В надписи 202 упоминается «большая стела Авсы, господина (mḡ')». В надписи 232а говорится о стеле Санатрука, господина (mḡ'); во фрагменте d этой же надписи — о стеле господина (mkn' dḡm'), а во фрагменте g фигурирует Шемешйехав, сын господина нашего Санатрука, господина (br mḡn' dsntḡwq mḡ'). По всей вероятности, Санатрук был не только господином вообще, но и господином (патроном) какой-то четко очерченной группы лиц. В надписи 250 назван Нацру, господин

(mry'). В надписи 272 в качестве лица, воздвигающего сакральные сооружения, фигурирует Напру, господин (mry'). В этой же надписи сказано, что 'АбдИлаха, сын Тапшару, сына Напру, построил сакральное сооружение «во здрав[в]ие Нашарйехава, госпо[д]ина (nšryhb dm[rly)'), и во здравие с[ы]новей его». Вероятно, этот же Напру назван с тем же титулом в надписях 273 и 274, причем в последней имеется родословие: Напру, господин (mry'), с[ын] [На]шарйеха[ва], господин (mry'). В надписи 278 mry' — имя собственное. Употребление титула без дополнительных указаний создает впечатление, что он был сопряжен с определенным общественным статусом и обозначал принадлежность к некоей (аристократической?) прослойке. Аналогия с mḡ' 'rby', упоминавшимися выше, позволяет предполагать, что речь идет о лицах, возглавлявших кровнородственные родо-племенные формирования на территории Хатры.

Среди титулатуры, зафиксированной в хатранских надписях, должен быть отмечен также титул rb' — «великий». Так, в надписи 110: «статуя Селевка, великого (rb'), сына Йамлика». В надписи 231 текст поврежден: «[lа, великий (rb'), и Санатрук, царь арабов, с[ын] Напру, господин (mry')». В надписи 288а алтарь воздвигает «[Ба]рНаб[у], сын На[шри], сына Аббы, [бра]т ГармАллата, великого (l'hw]hy dy grm'lt rb')». Материал надписей не дает оснований для определенных выводов, однако из 288а ясно, что положение «великого» (rb') считалось в Хатре почетным и престижным не только для того, кто им обладал, но и для его близких родственников. Очевидно, носители титула rb' принадлежали к сравнительно ограниченному кругу лиц, обладавших в Хатре влиянием и властью (магистраты?).

Другой титул, также заслуживающий внимания, — qšyš' — «старец, старейшина». В надписи 38 он, по всей вероятности, восстанавливается в поврежденном тексте: «[Ст]атуя Рабб[и], стар[ца] ([qšy?]š'), сына Астанука». В уже многократно упоминавшейся надписи 202 говорится о стеле (mkn') старца (qšyš). В надписи 232 назван «Оге Зарка, сын 'Угайлийи, строителя ('rdkl'), Сына Господа нашего — бога, скороход (dhruu; читаем вслед за Аггулой; у Ваттиони: ḡp') и старец (qšš)». В надписи 290 старец (qšyš'), чье имя не сохранилось, воздвигает сакральное сооружение. В надписи 338 интересующее нас слово находится в формуле: «во здравие Нашарйехава, судь <и> (dy<n)), и во здравие Напру, сына его, старца (qšyš')». Кажется правдоподобным, что термином qšyš' «старец» именовались в Хатре члены совета независимо от их возраста.

Согласно надписи Ibr.II²⁰, в принятии закона участвовали старцы (qšš) и хатранцы (whṭ[rly]); очевидно, совет в Хатре предварительно рассматривал вопросы, ставившиеся на обсуждение народного собрания. Однако в надписи 336 (= Ibr.I) в формуле «и хатранцы — старцы и отроки (whṭry' qšyš' wrdq')» имеется в виду совокупность всех граждан города, а слово qšyš' обозначает стариков в противоположность молодым.

Весьма распространен в хатранской эпиграфике титул rbyṭ' — «начальник дома». В надписи 16 поминается 'Акива, начальник дома [Ба'алшаме]на, сын 'АбдиШеламы ('qyb' rbyṭ' dy [b'lsmyln br 'bdšlm'). В надписи 60 сакральное сооружение строит МукаймуШемеш, сын Ворода, [на]чальника дома ([r]byṭ'). В надписи 94 фигурирует Селевк, сын Аштата, сына Селевка, сына Шемешхадита, начальника дома (rbyṭ'); в надписи 109 — [А]бба, начальник дома Сына Господа нашего (rbyṭ' dy brmryṭ). В надписи 116 поминается Газбари, сын Нашарйехава, начальник дома (rbyṭ'). В надписи 144 речь идет о статуе Ворода, начальника дома (rbyṭ'), сына БарНашара, также начальника дома (rbyṭ'). Не тот ли это Вород, который упоминался в надписи 60? В надписи 218 поминается Шемеш'аддири, начальник дома (rbyṭ'), в надписи 221 — Гаддийехав, начальник дома (rbyṭ'). В надписи 195 статую царя Санатрука воздвигает Наша-

²⁰ Segal. Aramaic Legal Texts..., p. 111—114.

рйехав, начальник дома Господа нашего (rbyt' dmrn), сын [Су]байдАлла-та. О надписях 223 и 224 уже говорилось выше; к сказанному надлежит добавить, что статуи в обоих случаях воздвигает 'Акива, «начальник дома Сына Господа нашего» (rbyt' dbgmgn), сын Шамши, начальника дома (rbyt'). В надписи 251 поминается Ате'акав, начальник дома (rbyt'). В надписи 278 говорится о погребальной камере (kdr') Йехиву, начальника дома (rbyt'), сына Марийи, начальника дома (rbyt'). Наконец, в надписи 336 упоминается Ацат, сын Шемешбераха, — начальник дома у хатранцев (rbyt' bhtry').

Среди перечисленных выше лиц, имеющих титул «начальник дома» (rbyt'), отчетливо выделяются две группы. К одной из них относятся те, в чьей титулатуре указано, о доме (храме) какого божества идет речь: Ба'алшамена и Сына Господа нашего; вероятно, имелись и другие храмы, возглавлявшиеся начальниками дома. Очевидно, последние суть распорядители соответствующих культов. Другая группа — это те, в чьей титулатуре имя божества отсутствует, несомненно, потому, что подразумевается дом определенный и всем хорошо известный. В этом убеждает пространный вариант титула: «начальник дома у хатранцев», понятный только в том случае, если принять, что имеется в виду «дом» *par excellence*, центр духовной и общественной жизни Хатры (может быть, Эсагила — *sgyl* — других надписей?). Приводившийся выше текст надписи 336 (=Ibr. I) позволяет поставить упоминание Шемешбераха, начальника дома у хатранцев, в связь с предыдущей фразой, где говорится о совете, т. е. оракуле, бога (*hmlk' dy'lh'*). Кажется правдоподобным, что именно Шемешберах в качестве начальника дома у хатранцев испрашивал оракул бога, и тогда «дом у хатранцев» или «дом» без каких-либо определений — это храм бога (*'lh'*), главного божества Хатры, называть которого по имени составитель надписи считал неуместным и излишним. Не исключено, что начальник дома, т. е. распорядитель культа бога (*'lh'*), фактически был главой местной коллегии магистратов.

Среди других функционеров, упоминаемых в надписях, должны быть особо отмечены писцы (*spg'*; надписи 215, 221, 289).

Выше мы упоминали хатранские объединения ремесленников. К этому можно добавить ряд надписей, в которых, по всей видимости, также упоминаются коллегианты. Так, надпись 209: «Знак Сына Господа нашего и статуя для ношения (*nš'*; ср. *nēšu'otekām* в Ис., 46, I. — *И. Ш.*), — Зубайду, сын 'Ашайа, и его сотоварищи (*hbryhu*)»; надпись 210: «и сотоварищей его (*wdhbryhu*)»; надпись 213: «Да будет помянут 'Аб<ди>Семейа, сын РапиШемеша, и сотоварищи его (*hbryhu*) все на добро перед знаками»; надпись 284: «место (*dkt'*) Рита, сына Нашарйехава, и сотоварищей его (*hbryhu*) всех». Применительно к последней надписи отметим, что термином «место» в эпиграфике Переднеазиатского Средиземноморья обычно именуется помещение, предназначавшееся для сакральных церемоний, посвящавшееся божеству коллективами или частными лицами. В данном случае это зал, примыкающий к западной ограде периболы больших храмов вблизи северного портала. В литературе²¹ уже отмечалась распространенность терминологии хатранских надписей. Если в пальмирских надписях используется термин *bn mrgz'*, то в набатейских — *hbrghy*. Предполагается также, что греч. *συνεταίροι* и *ἑταίροι*, а также *ἀρχεταίρος* в надписях из Дюра-Европос²² подразумевают арамейские исходные варианты *hbr'* и *rb hbr'*. Термины *ἑταίρι(α)?* и *ἑταίροι* встречаются и в надписи OGIS 573, исходящей от коллегии сирийцев — почитателей бога Саббатиста, находившейся в Западной Киликии.

Если слово *hbryhu* предполагает восприятие коллегии как товарищества, то другой термин — *prg'* — «собрание» — предполагает восприятие

²¹ *Milik. Dédicaces...*, p. 392—393.

²² YCS, XIV, 1955, p. 129—131, № 2.

коллегии как собрания участников сакральной церемонии. В надписи 282: «[для] этого места и для собрания (pḥr') Сына Господа нашего»; в надписи 283: «Собрание 'АбдиСе[ме]йи. Казначей ('špr') и его коллеги (hbrḥy)». 'АбдиСемейа последней надписи,— по всей видимости, организатор коллегии. Термин, примененный в данном случае, необычен. Как правило, для обозначения сакральных коллегий использовалось слово mḥzḥ'. Слово pḥr' восходит к известному из аккадского языка, а также из угаритской документации XIV—XIII вв. до н. э. термину puḥ-ru, pḥr — «собрание» (WUS, с. 255, № 2215; ср. также финикийское mḥrt). Поскольку собрания коллегий были одновременно и сакральными трапезами, в сирийском языке слово puḥra получило значение «пиршество, застолье», проделав ту же эволюцию, что и евр. marzēah.

Выше мы уже упоминали о царях Хатры, носивших титул «царь арабов». В настоящее время их последовательность нельзя считать окончательно установленной, и этот вопрос приходится оставить открытым; не всегда можно определить, кто именно из одноименных царей упоминается в той или иной надписи. По-видимому, более или менее надежно датируются Санатрук I, сын Напру, сын Нашарйехава (около 164 г. н. э.), БарСемия (около 193—200 гг.), 'АбдиСемейа (около 200 г.), Санатрук II, сын 'АбдиСемейи (около 230—243/4 гг.). Выше отмечались факты, показывающие, что власть царей над городом Хатрой была ограниченной (преимущественно военной?). Однако уже Санатрук I имел титул zqu' — «очистивший», т. е., вероятно, освободивший город от податей (надпись 194). Аналогичный титул имел и Санатрук II, но в сочетании с 'byd tbt' — «творящий добро» (надпись 229). Эллинистические истоки этой титулатуры очевидны. Кажется вероятным, однако, что в обоих случаях имелись в виду и реальные мероприятия указанных царей, имевшие целью укрепить их влияние в городе как избавлением от поборов, так и совершением благодеяний, которые ставили людей в зависимость от царя-благодетеля.

Мы располагаем некоторыми сведениями о законах, действовавших в Хатре. По словам Евсевия (Praep. evang. 6, 10, 24), в Хатре человек, укравший что-либо стоимостью в обол, подвергался побоеванию камнями (ἐν Ἰατροῖς ὁ κλέπτων ὀβολοῦ ἀξίον λιθάσεται). В «Книге законов стран» Бардайсана, написанной между 196 и 226 гг., это же установление сформулировано следующим образом: «Закон в Хатре (nmws' bhḥr')». Установлен закон в Хатре, что каждый, кто украдет (gnb) какую-либо мелочь ('bydt' z'wrt'), в том числе воду, будет достоин побояния камнями (yšwy' dntrgm)²³. В другом отрывке²⁴ Бардайсан пишет: «И поистине те, кто живет в Хатре, побивают камнями воров (wl' 'ylyn dbḥwtr' rgmyn lgnb')». Аналогичный закон зафиксирован и в надписи 281: «Проклятие (bgn) Господа нашего (mrn) и Госпожи нашей (mrtn), и Сына Господа нашего на том, кто украдет (lnsb) покров (mškn')²⁵ или жезл (hḥm') или миро (mr'), и секиру (nrg'), и топор (ksyd'), и тесто (gblyt')²⁶, и еду (mkl')²⁷, и слоновую кость (hšn') из того, что сделано для Сына Господа нашего, и на том, кто украдет один из мехов этих²⁸, которые принадлежат Сыну Господа нашего. Показал сон, что я обрек его на побоевание камнями ('rgmyt mrgum)». Сопоставление со свидетельствами Евсевия и Бар-

²³ Drijvers H. J. W. The Book of the Laws of Countries. Assen, 1955, p. 46, 11, 16—18.

²⁴ Ibid., p. 60, ll. 2—13. P. Deren' (Degen. A Note..., p. 487) переводит: «And those who live in Hatra do no (longer) stone the thieves, but...», что, однако, противоречит не только показанию Евсевия, но и приведенному выше отрывку Бардайсана. Как известно, частица la в сирийском языке была не только отрицательной, но и утвердительной (Вильскер Л. X. Об утвердительном значении частицы la в сирийском языке.— КСИНА, № 86, 1965, с. 25—30).

²⁵ Параллельное библейское miškan показывает, что речь идет о покрове священного шатра, в котором обитают боги; ср. в особенности Исх., 39, 33; 40, 2; Числ., 3, 25.

²⁶ Ср. евр. gabal — «месить тесто, глину и т. п.».

²⁷ Из m'kl'.

²⁸ Имеются в виду сосуды для хранения вина или оливкового масла.

дайсана показывает, что в данном случае общая правовая норма применена к сакральному преступлению; сакральностью преступления объясняется и введение проклятия — дополнительного и самого страшного сакрального наказания²⁹. Из надписи 281 не видно, кто выступает в роли законодателя. Так как мера наказания объявляется во сне, ясно, что она представлялась волеизъявлением бога или богов, вероятнее всего, хатранской троицы. Фактическим законодателем был, вероятно, верховный жрец.

Другой законодательный памятник — надпись Ibr. I и параллельная ей, но хуже сохранившаяся надпись 336. Этот текст гласит: «В месяц *ка-нун* 463 <года> по совету (*bmlk*²⁹) богов согласился (²*stbw*) Шемешберах, начальник дома (*'rbyt*), и хатранцы, старцы и отроки (*htry*³⁰ *qšyš*³¹ *wdrdq*³²), и арабы (*'rby*) все, и все³⁰, кто проживает в Хатре (*kwl* *du* *'mr* *bhtr*³¹), и так решили, что каждый, кто украдет из склада этого и из <территории, огражденной> стеною внешней, если он муж общинный (*gbr*³² *hwgwy*³³), будет убит смертью божьей (*bmwt*³⁴ *du*³⁵ *'lh*³⁶), а если чужеземец (*gbr*³⁷ *hwbrw*³⁸), подлежит побиению камнями (*lrgym*³⁹). Как уже говорилось, в роли законодателя в данном случае выступает все население Хатры, причем принятию решения предшествует оракул («совет богов»). О роли начальника дома применительно к интересующему нас случаю уже говорилось выше. Различие между «божьей смертью» и побиением камнями определяется, по всей вероятности, как способом казни (она могла представляться результатом божьего суда, непосредственной расправы божества над преступником), так и степени ее «почетности».

Наконец, надпись Ibr. II: «По слову Шемешхари[та] и Хапизу, старцы и хат[ранцы] (*qšš* *whṭr*⁴⁰), все они так решили. Жрец⁴¹, человек, который унесет (*zbyn*)⁴² камен[ь] и солому, и известку из пределов⁴³ округа (*'gl*⁴⁴)⁴⁵ дома божьего, из ягнят⁴⁶, которые были взяты в храм⁴⁷, удалят их⁴⁸ из дома божьего, — и если он унесет (*zby*) из них камень, или солому, или известку⁴⁹, пусть отступится (*lgr*)⁵⁰ от них, в округе⁵¹ пусть умрет смертью божьей». Шемешхарит и Хапизу, вносящие предложение, —

²⁹ По мнению Р. Дегена (*A Note...*, p. 490), из надписи 281 следует, что в Хатре существовали две «степени» воровства, каравшиеся двумя «степенями» наказания; одна из них — проклятие. Когда существовал обычай побиения камнями, «мы», как полагает Р. Деген, в настоящее время не можем определить. С нашей точки зрения, указанная надпись объединяет оба наказания применительно к данному конкретному случаю.

³⁰ В надписи 336 добавлено: «кто поднимается и кто выходит из Хатры, и все, кто...».

³¹ Арам. *šlhy* получает свое объяснение из сопоставления с сир. *šalhi*, одно из значений которого, согласно словарю Пэйн-Смита: «incantator, magus». Сегал (*Aramaic Legal Texts...*, p. 113) не считает возможной такую связь. По его мнению, *šlhy*³² может означать «common people», однако при таком истолковании слово *šlhy* остается необъясненным.

³² Так переводит Сегал (*Aramaic Legal Texts...*, p. 113—114) со ссылкой на араб. *zaba*³³ (корень *zby*) — в IV породе «нести».

³³ *Ibid.*, p. 113—114 со ссылкой на араб. *haddun* — «предел, край».

³⁴ *Ibid.*, p. 113—114; ср. евр. *aḡal* — «быть круглым».

³⁵ *mn* *lṭ*; ср. евр. *talā* — «ягненок» (*Ис.*, 65, 25; *I Сам.*, 7, 9). Сегал (*Aramaic Legal Texts...*, p. 113—114) сопоставляет данное сочетание с евр.-арам. *mṭwl*, сир. *mṭwl*, мандейским *mintul* и переводит: because, что, как кажется, не дает удовлетворительного смысла.

³⁶ Ср. арам. *'gwr*³⁷ — «храм» (*Винников И. Н.* Словарь арамейских надписей. — ПС, вып. 3(66), 1958, с. 188). Сегал (*Aramaic Legal Texts...*, p. 112—114) вслед за Дж. Х. Ибрахимом переводит: they are taken (for) wages.

³⁷ *bryhwn*; мы рассматриваем слово *bry* как глагол «удалять», «помещать за пределами». Ср. арам. *br*(³⁸) — «кроме, вне», сир. *lēbar* — «снаружи». Перевод *outside them* — так вслед за Дж. Х. Ибрахимом переводит Сегал (*Aramaic Legal Texts...*, p. 114) со знаком вопроса — не дает удовлетворительного смысла.

³⁸ В тексте *gs*³⁹. Второй знак ³⁹ явно повторяет первый и написан ошибочно.

³⁹ Ср. араб. *ḡara* (корень *gwr*) — «отходить, отклоняться». Сегал (*Aramaic Legal Texts...*, p. 114) полагает, что написание ³⁹*lgr* ошибочно вместо, как он думает, правильного ³⁹*l'gr*, которое он переводит for wages. Сегал вынужден здесь же заметить, что смысл полученного таким образом текста ему не ясен.

⁴⁰ *'gl*⁴¹. Сегал (*Aramaic Legal Texts...*, p. 114) вслед за Ибрахимом переводит: quickly.

очевидно, местные магистраты. Закон принимается народным собранием, по-видимому, с учетом предварительного решения «старцев». Как видим, кража храмового имущества, совершенная жрецом, карается «божьей смертью» на храмовой территории.

Попытка Дж. Б. Сегала обнаружить историческое развитие процедуры хатранского законодательства представляется не вполне удачной, поскольку не все надписи датированы или поддаются надежной датировке. При современном состоянии источников можно только констатировать, что законодательство исходит либо от божества (сакральный закон), либо от полисных органов власти, причем в последнем случае также могла иметь место ссылка на волю божества. Как бы то ни было, но во всех случаях цитированные тексты воспроизводят одну и ту же юридическую норму, казавшуюся вне Хатры необычной. Заметим в этой связи, что еще Законы Хаммурапи предусматривали смертную казнь вора либо возмещение украденного — в тридцатикратном размере, если речь шла о храмовом или дворцовом имуществе (вол, овца, осел, свинья, лодка), и в десятикратном, если речь шла об имуществе мушкенума (см. § 6—10)⁴¹; таким образом, законодательство Хатры следует в данном вопросе древней месопотамской традиции.

Говоря о духовной жизни хатранского общества, мы говорим, естественно, прежде всего о религии, и нужно заметить, что именно она изучалась в исследовательской литературе наиболее подробно и обстоятельно.

Чаще других встречается в надписях упоминаемая по различным поводам (посвящение, поминание, проклятие) триада богов: «Господь наш» (mrn), «Госпожа наша» (mrtn) и «Сын Господа нашего» (brmrn). Встречаются случаи, когда Сын Господа нашего и Господь наш упоминаются отдельно, независимо от остальных членов триады, в том числе и как обладатели самостоятельных «домов», у которых были свои «начальники». Найденная в Дура-Европос двуязычная надпись Арр. I содержит, как показал А. Како (Syria, 30, 1953, p. 244—245), арамейскую и греческую передачу этих обозначений богов, что позволяет судить о хатранской огласовке последних. Воспроизводим этот текст в реконструкции Ю. Т. Милика⁴²:

mrn wmrtn wbrmrn

ΜΑΡΕΙΝΟΣ

Μαρεϊνος Μαρ[ι]θ[ε]ν σ[ύ]μβιος αὐτῶν
Μαρινος υἱ[ὸς αὐτῶν?]

(Ф. Ваттиони воспроизводит чтение Ю. Т. Милика неточно: σ[ύ]μβιος αὐτῶν] и без знаков вопроса; сам он читает: Μαρ[ι]θ[ε]ς и Μαρινος υἱ[ὸς]).

То обстоятельство, что, как показывает античная традиция, богом-покровителем Хатры был бог Солнца, а монеты сохранили легенду ḫtr' dšmš — «Хатра Шемешова» и изображение святилища Шемеша, дало основание полагать, что «Господь наш» соответствует Шемешу. В пользу такой интерпретации свидетельствует, как кажется, надпись 107, где говорится, что «Эсагилу, храм великий» «построил Сын Господа нашего для Шемеша, отца его (bn' brmrn lšmš 'bwhy)». В надписи 280 Сын Господа нашего именуется сыном Шемеша (brmrn br šmš). В надписи 74 поминается Нащри «пред Господом нашим, Орлом и Шемешем, и супругой (букв. «госпожой»). — И. III.) его, и сыном его, и знаками всеми (qdm mrn nšrh wšmš wmr'th wbrh wsmu' kwlhw)». В надписи 82, если верны общепринятые реконструкции, сакральное сооружение строит «Санатрук, царь (арабов), очистивший, служитель (Шемеша, бога) великого, (сын), Нацру, господина, для Господа нашего, и Госпожи нашей, и Сына Господа нашего,

⁴¹ Законы вавилонского царя Хаммурапи (пер. Л. А. Липина под редакцией В. А. Якобсона). — В кн.: Хрестоматия по истории древнего Востока. Ч. I. М., 1980, с. 154 сл.; ср. также перевод И. М. Дьяконова (ЗВАХ — ВДИ, 1952, № 3).

⁴² Milik. Dédicaces..., p. 334.

Плат и знаков». Здесь Санатрук I явно совершает свое благочестивое деяние как (служитель) Шемеша; но в этом случае фигуры Шемеша и «Господа нашего» должны совпадать.

«Господь наш Орел» (mgn nšr') как объект культа упоминается также в надписях 79 (где одновременно говорится о «царстве его» — mlkwth), 88, 155, 232e (с обращением: «истреби из дома твоего то, что должно быть низвергнуто» — šhqt mn bytk lmn dltrh), 341 (в обратной последовательности обозначений: nšr' mgn). Очевидно, орел был священной птицей, олицетворением и воплощением Господа нашего — Шемеша. Заметим в этой связи, что одно из изображений на алтаре из Трастевере III в. н. э. показывает орла, несущего на своих крыльях бюст Гелиоса⁴³; как известно, этот алтарь относится к культу пальмирского бога солнца МалакБела; таким образом, связь почитания орла с культом солнца была распространена в Сирии, по-видимому, весьма широко.

Если все изложенное верно, Господь наш — Шемеш был в хатранском пантеоне богом солнца и богом-царем; его храм Эсагила был воздвигнут от имени Бога нашего⁴⁴.

«Госпожа наша» какой-либо идентификации по материалам хатранской эпиграфики не поддается. Из цитированной выше надписи 74 видно только, что она — супруга Господа нашего — Шемеша⁴⁵.

Что касается «Сына Господа нашего», то надпись 81 позволяет предположить его идентичность с Нерголом⁴⁶. Здесь некий 'АбдуСемейа, сын Шемешбраха, поминается пред Господом нашим, и Госпожой нашей, и Нерголом (qdm mgn wmrtn wnrql [d]šhpt'); как можно видеть, в стандартной формуле Нергол занимает место Сына Господа нашего. В надписях 70 и 71 Нергол именуется псом (nrql — вар. nrgwl — klb'); эти надписи сопровождают пирей с изображением трех псов. На алебастровой статуэтке лежащего пса с ошейником имеется надпись (72): «Три пса (tltt klbn). Я, Шарад, господин (mry), изготовил это для Госпожи (? št)». Очевидно, пес был священным животным, олицетворением и воплощением Нергола; культ Госпожи, если принимаемая нами интерпретация слова št достоверна⁴⁷, должен быть связан с культом Нергола, а изображения пса суть культовые изображения этого божества. Параллельные материалы, в частности происходящие из Пальмиры, свидетельствуют о том, что Нергол отождествлялся с Гераклом, но это значит только, что в мифологии Северной Сирии и Месопотамии существовали предания о подвигах Нергола, сопоставимых с подвигами Геракла⁴⁸.

Выше, говоря о надписи 81, мы отметили сочетание имени божества с эпитетом dšhpt' (здесь ошибочное написание вместо dhšpt'⁴⁹). Этот эпитет зафиксирован также в надписях 145 (nrql dhšpt'), 279 (nrgwl dhšpt'), 295 (nrql dšhpt'); также ошибочное написание вместо dhšpt'), 399 (nrgwl dhšpt'), App. 4 (Хирбет ас-Са'адийа: среди сакральных объектов, которые построил Зана, сын Дахни, упоминается 'dn' dnrgwl dhšp[t]'⁵⁰ dšr'

⁴³ Cumont F. L'autel palmyrénien du Musée du Capitole. — Syria, 9, 1928, p. 101—109.

⁴⁴ Об отождествлении Господа нашего с Шемешем см., в частности: Caquot A. Nouvelles inscriptions araméens de Hatra (VI). — Syria, 41, 1964, p. 253; Hoftijzer. Religio aramaica..., p. 52; al-Salihi. New light..., p. 77; Safar, Mustafa, Al-Ḥaḍr, p. 41—42; Aggoula. Hatra, p. 52.

⁴⁵ В исследовательской литературе предлагались отождествления с богиней Луны (Safar, Mustafa, Al-Ḥaḍr, p. 42), а также с Атар 'ате или Тюхе (al-Salihi. New Light, p. 78). Б. Аггула (Hatra, p. 52) предпочитает Нанай.

⁴⁶ По мнению Б. Аггулы (Hatra, p. 52): Дионис.

⁴⁷ Ср. Milik. Dédicases..., p. 166.

⁴⁸ В. ас.-Салихи (New Light..., p. 78—81) полагает возможным отождествление с богом луны Сином. Как полагают Ф. Сафар и М. 'А. Мустафа (Al-Ḥaḍr, p. 42), «Сын Господа нашего» — сын Солнца и Луны, бог, присутствующий и днем, и ночью. О Нерголе как о члене хатранской триады см. также Hoftijzer. Religio aramaica, p. 53—54.

⁴⁹ Ср. Milik. Dédicases..., p. 166.

⁵⁰ Чтение Ю. Т. Милика (Dédicases..., p. 395) вместо написанного по ошибке dhšps'.

bmlh' — «сад Нергола dhšp[tl]', который живет в соляных полях»). Интересующий нас эпитет, парфянский по происхождению, сопоставляемый с rb ḥšyšu — «начальник стражей» — в надписи 140, складывается из компонентов dhš' — парфянского слова, вошедшего также и в сирийский язык, и pt', соответствующего семитскому rb. Ю. Т. Милик⁵¹ другим толкованиям (придворному — (божественный) командир телохранителей и военному — (бог) — комендант гарнизона) предпочитает более близкую к реальности «теологическую» интерпретацию данного эпитета: «начальник стражей (потустороннего мира)». Она, однако, нуждается в некоторых уточнениях. Сирийское daḥšā в Иерем., 24,1 соответствует еврейскому hammasgēr (корень sāgār — «запирать»), чему в Септуагинте в свою очередь соответствует τοῦς δεσμώτας. Но тогда иранское dhšpt' может восприниматься как передача арамейского rb 'syg', и в этом случае почитание Нергола сопоставимо с культом божества Раб-Асирэ, известным по Пальмирскому пошлинному тарифу.

Итак, Нергол, по-видимому, тождественный Сыну Господа нашего, был хтоническим божеством, стражем и владыкой потустороннего мира, совпадающим с Раб-Асирэ пальмирского пантеона. Его культ совершали в мистериях (ср. надпись 214, где речь идет о постройке 'tz' lnrḡl, т. е. мистерия для Нергола), несомненно, сопровождая посвятельными церемониями и мистериальными обрядами, а также в садах. Последнее обстоятельство сближает культ Нергола с финикийским по происхождению, но широко распространенным в эллинистическом мире культом Адониса; ср. также сад 'Эден как местопребывание Йахве в иудейско-израильской религии (Быт., 2,8—3,24; Иезек., 28,13). Библейская аналогия показывает, что сад как место, где совершался культ и где пребывал бог, моделировал мир блаженных, живущих под сенью бога в обильно орошаемой и плодородной стране и обрабатывающих там землю.

Среди других обозначений богов, которым поклонялись в Хатре, должно быть отмечено прежде всего слово 'lh'. Если исключить ситуации, когда оно стоит во множественном числе и обозначает сообщество богов (надписи 17, 23, 67 (?), 79 (?), 169 (?), 173, 200 (?), 337), а также когда оно относится к определенным конкретным божествам (надписи 2, 25, 26, 82, 228, 336, App. 3, App. 9), то мы располагаем следующим материалом. В надписи 21: «статуя Аталу, царя Натуншарийского, служителя божьего (plh 'lh'; здесь последнее слово может быть как в единственном, так и во множественном числе. — *И. III.*). Благословен бог (bryk 'lh'), который...». В надписи 106 содержится ссылка на оракул: «ибо бог ('lh') во сне научил их». Кроме того, как уже говорилось, это слово засвидетельствовано в собственных именах типа 'bd' lh' (ср., например, надпись 151) и его графического варианта 'bdlh' (ср., например, надпись 86). Создается впечатление, что в Хатре почитался бог, обозначавшийся общесемитским словом 'lh' — «бог»; он давал своим адептам оракулы во сне; родители могли объявить своего ребенка «рабом» этого бога, т. е. принадлежащим ему слугой, пользующимся его покровительством и защитой. Отождествлялся ли он в Хатре с каким-либо иным божеством, сказать трудно; параллельный западно-семитский материал свидетельствует скорее о том, что перед нами в данном случае общесемитское божество, глава пантеона.

Другое обозначение — mr'lh', вариант mrlh' — «Господин богов». В надписи 48 'Oge, сын Хайру, Длинный поминается «пред Господином богов (qdm mrlh')». В надписи 325 'Oge, сын 'Ашатаги, поминается «пред Господином богов всех (qdm mr'lh' klhwn)». В надписи App. 4, уже цитировавшейся выше по другому поводу, говорится, что Зана, сын Дахни, устроил «сад ('dn') и завесу (prk')»⁵² Господина богов Каркабиша, который живет на пшеничном поле (?) (dmrlh' dqrqbš dšr' bhḥt)»⁵³. Карка-

⁵¹ Milik. Dédicaces..., p. 396—397.

⁵² Ср. евр. parōkaṭ (Исх., 26, 31 и др.).

⁵³ Ср. евр. hiṭṭā — «пшеница».

биш, — по] всей вероятности, название данного населенного пункта. То обстоятельство, что Господин богов живет на пшеничном поле, позволяет видеть в нем] покровителя земледелия. Легенда на монетах из Хатры (App. 8) *sn mrlh'* — «Син, Господин богов» дала повод видеть в Господине богов Сина — бога Луны, однако в данном случае надпись на монете могла отражать специфическую ситуацию, связанную с поклонением Сину.

Среди богов, почитавшихся в Хатре, известна также общеарабская богиня Аллат (¹lt). В надписи 52 она названа вслед за триадой, пред которой поминается Нашарйехав, сын Хавиры. То же самое имеет место и в надписи 74: «пред Господом нашим, и Госпожой нашей, и Сыном Господа нашего, и Аллат (¹lt), и Шахару». Аналогичная формула имеется также в надписях 75, 82, 151. Надпись 142 представляет собой подпись: «Статуя Аллат (¹lt) и з[наки] (*slmu'*)». Адунир». На одном из рельефов Аллат представлена стоящей] на льве (ср. изображения 'Анату, датируемые II тыс. до н. э.; в Пальмире Аллат изображена львицей). На ее изображение в качестве богини-воительницы с копьём в правой руке и левой рукой, опущенной на щит, несомненно, оказала влияние Фидиева статуя Афины Промахос из Парфенона, что дает основание постулировать тождество: Аллат — 'Анату — Афина.

Общая для всего сиро-палестинского региона богиня Атар'ате упоминается в надписи 5: статуя Семай, дочери 'Оге, возводит ее муж 'Оге, сын Аббы, жреца Атар'ате (*kmr' d'tr't'*). В надписи 29 имя Атар'ате стоит среди имен богов, чье проклятие призывается на голову того, кто войдет в святыню обутым. В надписи 30 имя Атар'ате также среди имен богов, чье проклятие призывается на голову тех, кто убил Аббу, дочь Габалу, и сплетничал о ней.

Еще одно божество, общее для всего Переднеазиатского Средиземноморья, — Ба'алШамен. В надписи 16 он фигурирует, если верны предлагаемые реконструкции, в качестве божественного царя (*mlk'*); здесь же назван 'Акива, начальник дома [Ба'алШамен]на. В надписи 17 Кабиру поминается «пред[Ба'ал]Шаменом-царем (*lb'l smn mlk'*) и богами в [семи]». В надписи 23 Нашар'акав и Гадйехив поминаются и благословляются «пред Ба'а<л> Шаменом-богом и пред богами всеми (*qdm b'<1>smun 'lh' wqdm 'lh' klhwn*)». Поминание и благословление призываются и «на того, о ком будет свидетельствовать во благо Ба'а<л>Шамен, творец земли (*mn dy lshdh lb b'<1>smun qnh dy r'h*). Как можно видеть, в хагранской мифологии Ба'алШамен выступает в роли творца земли и подателя оракулов. В надписи 24 Бар-Закика поминается «пред Господом нашим и Ба'а<л>Шаменом великим (*b'<1>smn rwb'*)». В надписи 25 Ба'а<л>Шамен (*b'<1>smun*) вместе с триадой упомянут как бог, пред которым поминается и благословляется Нашарйехав, сын 'АбдиИли. В надписях 29 и 30 он среди богов, чье проклятие призывается. Наконец, в надписи 49 говорится о «доме» (*byt*) Ба'а<л>Шамена.

Имя *gbhdd* (надпись 177) свидетельствует о почитании в Хатре общесирийского бога-громовика Хаддада.

Характерным для эпохи эллинизма можно признать культ божества счастья и удачи Гадде/Ганде, аналога греческой Тюхе и римской Фортуны, причем наряду с божеством вообще могло быть и божество — покровитель определенной общины или определенного города, а также личная богиня — удача данного человека. Почитание Гадде засвидетельствовано материалами из Пальмиры и Дура-Европос, так что в данном случае перед нами явление, характерное для всего эллинистического сирийского мира. В Хатре это божество фигурирует в следующих текстах. В надписи 58 Адде, сын Кацийи, поминается «пред Ганде кацрийцев (*qdm gnd' dy ksyu'*)»; кацрийцы здесь, по всей видимости, — община. В надписи 79 говорится о статуе царя Санатрука, «очистившего, чей Ганде вместе с богами (*dgn dh 'm 'lh'*) сын АбдиСемейи, царя». Речь идет о личном божестве царя Санатрука II; далее будет упомянуто родовое божество —

«Ганде Санатрука, царя, и потомков его, и сыновей его всех». Ганде царя — вместе с другими богами, т. е. входит в общий пантеон; заметим, что почитание дарских богов отмечено уже в угаритской документации. Лица, воздвигающие статую, — ЙехавМарин и Илькур, сыновья Шемешбераха, делают это «в месте Ганде, которым они радуются, которое принадлежит им (bbyldh dgnd' dy hdyu bh dylhwn)», т. е., очевидно, в своем родовом святилище («место»). В надписи 125 поминаются 'Абса, сын Ханны, «пред Сыном Господа нашего и Ганде его соответственно тому, как свидетельствует о нем... (qdm brmryu wgn dh 'l mn dlshdh)»; здесь Ганде — также личное божество⁵⁴. В надписи 235 Шеламан, сын 'Акивы, поминается пред триадой, «знаками» и «Ганде народа» (gnd' d'm'). «Ганде народа» — это, несомненно, бог данного гражданского коллектива, Тухе Хатры. В надписи 288а БарНабу, сын Нашри, поставил завесу для Гадде (prk' lgd'). В 288 упоминается Ганде некоего Аби[]. В надписи 296 Оге, сын 'Абсы, благословляется и поминается «пред[Га]нде (qdm [gl' nd')»⁵⁵. Наконец, в надписи 297 поминается Раму, сын Шабу, «пред Господом нашим и Гадде ворот навечно (qdm mrgn wgd' dy 'bwl' l'm)». Отметим здесь слово 'bwl', пришедшее из аккадского языка.

В надписи 340 говорится о завесе Набу (prk' dy nbw).

Имя Бар-Нанайа (надписи 1, 2, 106, 234, 253, 258, App. 10) и надпись 4 свидетельствуют о распространенности в Хатре культа Нанайи.

Видную роль в пантеоне Хатры играла, по-видимому, богиня Ашарбел ('srbl). В надписи 34 упомянута Маратбу, жрица [A]ша[p]бел, создательница всего (kmrt[' d']s[r]bl bnyu kw). Перед нами, как видим, отражение космогонического мифа, в котором решающую роль играла Ашарбел, мифа, отличающегося от того, где аналогичную роль играл Ба'ал-Шамен. В надписи 35 Каймай, дочь 'АбдиСесейи, получает оракул от Ашарбел, девственница (dy 'mrt lh 'srbl btlh); эта черта сближает Ашарбел с 'Анату ханаанейско-аморейской мифологии. В надписи 38 Ашарбел, [девственница], воздвигает статую «Раб[и], [старца]».

Бог утренней зари Шахару (shrw) упоминается в надписи 23, где призывается его проклятие «на дни того, кто прочтет это и не помянет Нашар'акава добром и благом». В надписи 29 Шахару также среди богов, чье проклятие призывается на голову того, кто нарушает правила сакрального благочиния. Проклятие Шахару призывается и в надписи 153. В надписи 74 Шахару замыкает список богов, «пред которыми» совершилось поминовение.

В надписи 13 упоминается божество Закика (zquq'), пред которым поминаются Гаддейехав, сын Нашри, и 'Абса, сын 'АбдиНергола. Не исключено, впрочем, что это — эпитет богини Атар'ате («чистая»; ср. комментарий к КАИ 240).

В роли богов в хатранских надписях выступают также «знаки» (smu'): воздвигаются их изображения; перед ними поминаются и благословляются, причем они фигурируют наряду с другими богами; они имеют своего верховного жреца (rb); знаку дома приносятся жертва — mnh' tb (ср. библейское жертвоприношение min'ha'); имеются и знаки богов, называемых по имени (надписи 3, 52, 56, 65, 74, 75, 79, 82, 151, 200, 201, 209, 213, 235, 280, 338). Сравнение с надписью из Таймы КАИ 228, где слово slm — «статуя» употребляется вместо обычного 'lh' — «бог», позволяет

⁵⁴ О Гадде как о личном божестве, воплощении жизненной силы человека и божественного начала см. *Hoftijzer. Religio aramaica*, p. 60.

⁵⁵ То обстоятельство, что надпись 296 сопровождает статую Геракла, одетого в иранскую одежду, дало основание предположить, что в хатранском пантеоне имела место идентификация Ганде и Геракла (*al-Salihy W. A Note on a Statue from Hatra. — Sumer, 29, p. 99—100; idem. Haraqal-Ganda. — Ibid., p. 151—155 (ap)*). Однако более правдоподобным и обоснованным кажется другое предположение В. ас-Салихи (*al-Salihy W. Hatra, Aspects of Hatran Religion. — Sumer, 26, 1970, p. 187—193*), согласно которому Геракл идентифицировался в Хатре с иранским богом победы Веретрагнай.

допустить, что и в Хатре, где знаки выступают в роли богов, слово *smu*⁷ имело функцию, аналогичную тайманскому *šlm*⁵⁶.

Храмы в Хатре строились по единообразному плану: квадратная целла (святое святых), где находились статуи богов, помещавшаяся против главного входа; антицелла и одна-две камеры, где хранились предметы культа⁵⁷.

Приведенный выше материал показывает, что население Хатры испытывало многообразные культурные влияния, и эти влияния так или иначе нашли свое отражение в надписях и памятниках материальной культуры.

Как и в других областях Сирии и Месопотамии эпохи эллинизма и римского, соответственно парфянского, господства, языком письменности в Хатре был арамейский — традиция, восходящая к эпохе Ахеменидов. Ф. Ваттиони, отметив, что диалект хатранских надписей принадлежит к восточноарамейской группе, указывает следующие его характерные черты: отсутствие ассимиляции п последующему согласному; трактовка интердентальных, общая для восточноарамейских диалектов; образование каузативной глагольной породы с префиксом 'а-, как в сирийском языке; наличие префикса l- в форме будущего времени, как в мандейском и библейско-арамейском. Палеография хатранских надписей, аналогии которой наблюдаются в Северной Месопотамии, Армении и Грузии, но которая существенно отличается от палеографии пальмирских и древнесирийских надписей, свидетельствует о том, что внутри арамейскоязычного культурного круга жители Хатры принадлежали к более узкой северомесопотамско-закавказской общности. В любом случае не вызывает сомнений, что арамейский элемент, общий для всей эллинизированной Передней Азии, был в Хатре господствующим. Он отчетливо прослеживается и в пантеоне: культы Шемеша, Атар'ате, Ба'алШамена, Гадде/Ганде, Шахару, а также в календаре Хатры — общепереднеазиатском в своей основе.

Греческий язык в эпиграфике собственно Хатры в общем не засвидетельствован, что говорит о его неупотребительности или малой употребительности в деловой и культурной жизни Хатры вообще. Примечательно, что из известных эпиграфических памятников только надпись KAI 257, обнаруженная в храме Атар'ате и Хаддада в Дура-Европос, но палеографически и по языку близкая к надписям из Хатры, содержит двуязычный арамейско-греческий текст. Здесь поминается Малкион, сын Шумайшу, «должный» (*mḥyb*⁷), т. е., вероятно, обязавшийся служить богу, за то, что он пожертвовал своему богу Шемешу 100 денариев. Не исключено, что в данном случае двуязычность надписи — это приспособление к обычаю, существовавшему в Дура-Европос. Заслуживают внимания, однако, проникновение в хатранский арамейский грецизмов (например, слово *glr* — греч. γλύφω; имя Селевк), а также использование селевкидской эры. В хатранской скульптуре отчетливо выявляются произведения эллинизирующего стиля — статуи с изящным удлинненным телом, тщательной отделкой типично эллинистической прически (завитки волос), изображением персонажей обнаженными или в греческих пеллосах, плащах и сандалиях⁵⁸. Эти же статуи позволяют констатировать и проникновение в Хатру моды на греческую мужскую и женскую одежду. Один из храмов Хатры был построен по эллинистич-

⁵⁶ С. Б. Дауни полагает, что хатранские *smu*⁷ представляют собой священные штандарты, связанные с культурами различных богов, преимущественно с триадой; они иногда были защитниками племен или отдельных лиц (*Downey S. B. A Preliminary Corpus of the Standards of Hatra. — Sumer, 26, 1970, p. 195—214*). По мнению Д. Гомес-Фредерика, *smu*⁷ — это бог-орел (*Hatra et ses sculptures, p. 3*). Более точно у И. Хофтэйзера: функция штандартов аналогична функции сиро-палестинских бетэлей; они представляют богов, которые могут почитаться в облике их штандартов.

⁵⁷ *Homès-Fredericq. Hatra et ses sculptures, p. 3—4*.

⁵⁸ *Ср. Homès-Fredericq. La vie à Hatra..., p. 43*.

ческому архитектурному стандарту. По наблюдениям Б. Аггулы⁵⁹, в архитектуре Хатры соблюдались правила Витрувия. Отмечается и эллинистический декор ворот. Наконец, показателен культ греческих богов.

Культура Хатры развивалась при всем этом на арабском субстрате. Это обстоятельство нашло свое выражение, в частности, в употреблении в надписях арабских слов (например, араб. *byld* — «место» в надписи 79 вместо араб. *'tr*), а также в арабских собственных именах типа ГармАллат, Хурайшу, Авиду, Хайру с характерным падежным окончанием *-w* (= *-u*). Несомненно, арабским является культ Аллат: возможно, из арабской среды пришел и культ бога *'lh'*, но в Хатре он имел тенденцию слиться с культурами иных богов.

Другим субстратным элементом хатранской культуры была культура древней доэллинистической Месопотамии. Об этом свидетельствуют прежде всего языковые заимствования: такие слова, как *'pkl'*, *'rdkl'*, *'bwl'*, *hukl'*, а также почитание месопотамских богов Нергола, Набу, Нанайи. Примечательно и то, что главный хатранский храм именуется в надписях Эсагила.

На протяжении своей истории хатранское общество испытывало интенсивное иранское (парфянское) влияние. Оно выражается прежде всего в многочисленных парфянских заимствованиях в языке хатранских надписей: *'spzk* — аналог хатранскому *gr* (надпись 287), *pšgrb'* и *pšgrub'* — титул наследника царской власти (надписи 28, 285) и его варианты *pzgrub'* (надпись 36) и *pšgru'* (надпись 194)⁶⁰, *bthš'* (надпись 143) и его вариант *pdhš'*, уже упоминавшийся выше титул бога Нергола *dhšpt'*, *hdrpt'* — жрец бога огня (надпись 83; не проникло ли в Хатру огнепоклонничество?), *nšrpt* — шапочник (надпись 112), а также имена типа *sntrwq*, *wlgs*, *wrdnb* (?), *whrdt*, *nwhdr'* и, возможно, *wrwd*. По хатранской скульптуре можно судить о том, что в Хатре была распространена парфянская одежда (шаровары, сапоги, рубаха с поясом и куртка), а также специфические для парфянской моды формы бороды и усов⁶¹. Хатранские цари носили по парфянскому образцу высокую тиару, очевидно, желая подчеркнуть свое иерархическое равенство с Аршакидами. Впрочем, сам титул *mlk'* — «царь» вводил властителей Хатры в ту же иерархическую сферу. Манера изготовлять статуи в Хатре — также преимущественно парфянская, хотя и с местными специфическими чертами.

В целом материалы, происходящие из Хатры, являются отражением процессов, типичных для обществ, оказавшихся на границе с великими державами древности. Обитатели Хатры как бы втягиваются в цивилизованный мир — эллинистическо-сирийский (арамейский), с одной стороны, и парфянский (в свою очередь испытавший заметное эллинистическо-сирийское влияние), — с другой. Первый путь вел в конечном счете ко включению в сирийский и, следовательно, в римский мир, второй — ко включению в парфянский мир, к иранизации. Общество Хатры, воспринимая эти влияния, пыталось сохранить свою политическую самостоятельность, лавируя между Римом и Парфией. Катастрофа, разрушившая Хатру, по всей вероятности, отбросила местные арабские племена к догосударственному состоянию и надолго затормозила их общественно-политическое развитие.

⁵⁹ *Aggoula. Hatra*, p. 43.

⁶⁰ *Maricq. Hatra de Sanatrouq*, p. 275—280.

⁶¹ Ср. *Fukai. The Artifacts...*, p. 172—173; *Homès-Fredericq. La vie à Hatra...*, p. 41—42.

THE NORTH MESOPOTAMIAN CITY OF HATRA

I. S. Shifman

The author presents a detailed study of the political history of Hatra, its socio-economic structure and political organisation in the 1st to 3rd centuries A.D. The city was ruled by a king, who was usually titled King of the Arabs but occasionally bore Hellenistic titles. Power was also held by a popular assembly, a council and local magistrates. The Arabs mentioned in the royal title were in all likelihood neighbouring Bedouin tribes attracted to the city from political and economic motives. The city's population appears to have been mainly Arabs though its cultural life was a mixture of Syrio-Hellenistic, Mesopotamian and Parthian influences. The Hatrian kings strove to maintain their political independence and achieve political equality with Roman emperors and Parthian kings. The destruction and ruin of Hatra put a sudden brake on the socio-political development of the Arab communities in Northern Mesopotamia and in all probability threw them back to a pre-state condition.
